

Даль Владимир

Русские сказки

Русские сказки

Даль Владимир

Война грибов с ягодами

Красным летом всего в лесу много — и грибов всяких и всяких ягод: земляники с черникой, и малины с ежевикой, и черной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки распевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется, из земли прет, на ягоды гневается: «Вишь, что их уродилось! Бывало и мы в чести, в почете, а ныне никто на нас и не посмотрит! Постой же, — думает боровик, всем грибам голова, — нас, грибов, сила великая — пригнетем, задушим ее, сладкую ягоду!»

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы гляючи, и стал он грибы созывать, стал помочь скликать:

— Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказались волнушки:

— Мы все старые старушки, не повинны на войну.

— Идите вы, опёнки!

Отказались опёнки:

— У нас ноги больно тонки, не пойдём на войну!

— Эй вы, сморчки! — крикнул гриб-боровик. — Снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки; говорят:

— Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громким голосом:

— Грузди, вы ребята дружны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись грузди с подгруздками:

— Мы грузди, братья дружны, мы идём с тобой на войну, на лесную и полевую ягоду, мы ее шапками закидаем, пятой затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

«Ну, быть беде», — думает зеленая травка.

А на ту пору пришла с коробом в лес тетка Варвара — широкие карманы. Увидав великую груздевую силу, ахнула, присела и ну грибы сподряд брать да в кузов класть. Набрала его полным-полнешенько, насилу до дому донесла, а дома разобрала грибки по родам да по званию: волнушки — в кадушки, опёнки — в бочонки, сморчки — в бурачки, груздки — в

кузовки, а наибольший гриб-боровик попал в вязку; его пронизали, высушили да и продали.

С той поры перестал гриб с ягодой воевать.

Ворона

Жила-была ворона, и жила она не одна, а с няньками, мамками, с малыми детками, с ближними и дальними соседками. Прилетели птицы из заморья, большие и малые, гуси и лебеди, пташки и пичужки, свили гнезда в горах, в долах, в лесах, в лугах и нанесли яичек.

Подметила это ворона и ну перелетных птиц обижать, у них яички таскать!

Летел сыч и увидал, что ворона больших и малых птиц обижает, яички таскает.

— Постой, — говорит он, — негодная ворона, найдем на тебя суд и расправу!

И полетел он далеко, в каменные горы, к сизому орлу. Прилетел и просит:

— Батюшка сизой орел, дай нам свой праведный суд на обидчицу-ворону! От нее житья нет ни малым, ни большим птицам: наши гнезда разоряет, детенышей крадет, яйца таскает да ими своих воронят питает!

Покачал сизой орел головой и послал за вороною легкого, меньшого своего посла — воробья. Воробей вспорхнул и полетел за вороной. Она было ну отговариваться, а на нее поднялась вся птичья сила, все пичуги, и ну щипать, клевать, к орлу на суд гнать. Нечего делать — каркнула и полетела, а все птицы взвились и следом за ней понеслись.

Вот и прилетели они к орлову житью и обсели его, а ворона стоит посередине да обдергивается перед орлом, охорашивается.

И стал орел ворону допрашивать:

— Про тебя, ворона, рассказывают, что ты на чужое добро рот разеваешь, у больших и малых птиц детенышей да яйца таскаешь!

— Напраслина, батюшка сизой орел, напраслина, я только одни скорлупки подбираю!

— Еще про тебя жалоба до меня доходит, что как выйдет мужичок пашню засеять, так ты подымаешься со всем своим вороньем и ну семена клевать!

— Напраслина, батюшка сизой орел, напраслина! Я с подружками, с малыми детками, с чадами, домочадцами только червяков из свежей пашни таскаю!

— А еще на тебя всюду народ плачется, что как хлеб сожнут да снопы в копна сложат, то ты налетишь со всем своим вороньем и давай озорничать, снопы ворошить да копны разбивать!

— Напраслина, батюшка сизой орел, напраслина! Мы это ради доброго дела помогаем — копны разбираем, солнышку да ветру доступ даем, чтобы хлебушко не пророс да зерно просохло!

Рассердился орел на старую врунью-ворону, велел ее засадить в острог, в решетчатый теремок, за железные засовы, за булатные замки. Там она сидит и по сей день!

Гуси-лебеди

Выбрав двух или одного волка, смотря по числу детей, выбирают вожака, того, который заводит, то есть начинает игру. Все остальные представляют гусей.

Вожак становится на одном конце, гуси — на другом, а волки в стороне прячутся.

Вожак похаживает и поглядывает и как заметит волков, то бежит на свое место, хлопает руками, крича:

В о ж а к. Гуси-лебеди, домой!

Г у с и. Почто?

В о ж а к. Бегите, летите домой,

Стоят волки за горой

Г у с и. А чего волкам надо?

В о ж а к. Серых гусей щипать

Да косточки глодать.

Гуси бегут, гогоча: «Га-га-га-га!»

Волки выскакивают из-за горы и бросаются на гусей; которых поймают, тех отводят за гору, и игра начинается снова.

Всего лучше в гусей-лебедей играть в поле, в саду.

Девица

Как по мосту, по мосточку

Шла девица-семилетка.

За девицей — молодец:

— Стой, девица-семилетка,

Загадаю три загадки,

Ты изволь же отгадать их:

А что растёт без кореньев?

А что цветёт без алого цвету?

А что шумит без буйного ветру?

— Растёт камень без кореньев.

Цветёт сосна без алого цвету.

Шумит вода без буйного ветру.

Девочка Снегурочка

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

— А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала да и говорит:

— Что же будешь делать — нет, так и взять негде. Однако старик принес комочек снега в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой (тряпкой. — Ред.) и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики -пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну — глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

— Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули ее, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенецко, стал ее нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка (булочка. — Ред.),
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растет Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Все шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо,

и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

— Жученька, Жучок, беленькие ножки, шелковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком по лесу пробежавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила ее туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

— Иди, — говорит, — куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да дочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягоды. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочки они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили ее старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про все позабыли, разбежались по сторонам, ягоды берут да аukaются, в лесу друг дружке голоса подают.

Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли. Стала Снегурочка голос подавать — никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: "Ау! Ау!" Идет медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

— О чем, девица, о чем, красная?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

— Слезай, — сказал медведь, — я тебя домой доведу!

— Нет, медведь, -отвечала девочка Снегурочка, -я не пойду с тобой, я боюсь тебя -ты съешь меня! Медведь ушел.

Бежит серый волк:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Слезай, — сказал волк, — я доведу тебя до дому!

— Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя -ты съешь меня!

Волк ушел. Идет Лиса Патрикеевна:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорехонько, я тебя до дому доведу!

— Нет, лиса, лъстивы твои слова, я боюсь тебя — ты меня к волку заведешь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева ее сманивать, а девочка не идет.

— Гам, гам, гам! — залаяла собака в лесу. А девочка Снегурочка закричала:

— Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь — девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк

увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой. Жучка, пойду!

Вот как услышала лиса собачий лай, так махнула пушнякам своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла. Жучка подбежала, ее лобызала, все личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнем, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все ее боятся, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

Зайчик

Выбирают зайчика и обступают его хороводом.

Зайчик все время пляшет, поглядывает, как бы выпрыгнуть из круга; а хоровод ходит вокруг, напевая:

Заинька, попляши,
Серенький, поскачи,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!
Заинька, в ладоши,
Серенький, в ладоши,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть серому куда выскочить,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!

При этом некоторые из играющих ослабляют руки, указывая, где зайчик может прорваться.

Зайчик припадает к земле, высматривает место, откуда выскочить, и, прорвавшись там, где не ждали, убегает.

Кошечка

Сидит кошечка
На окошечке
Пришел кот,
Стал кошку спрашивать,
стал выпрашивать:
— О чём киска плачет,
О чём слезу ронит?
— А как же мне не плакать,
Как слёзы не ронить:
Повар съел печёночку;
Да сказал на кисочку;
Хотят киску бить,
Ушки теревить.

Лиса и медведь

Жила-была кума-Лиса; надоело Лисе на старости самой о себе промышлять, вот и пришла она к Медведю и стала проситься в жилички:

— Впусти меня, Михайло Потапыч, я лиса старая, ученая, места займу немного, не объем, не обопью, разве только после тебя поживлюсь, косточки огложу.

Медведь, долго не думав, согласился. Перешла Лиса на житье к Медведю и стала осматривать да обнюхивать, где что у него лежит. Мишенька жил с запасом, сам досыта наедался и Лисоньку хорошо кормил. Вот заприметила она в сенцах на полочке кадочку с медом, а Лиса, что Медведь, любит сладко поесть; лежит она ночью да и думает, как бы ей уйти да медку полизать; лежит, хвостиком постукивает да Медведя спрашивает:

— Мишенька, никак, кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь.

— И то, — говорит, — стучат.

— Это, знать, за мной, за старой лекаркой, пришли.

— Ну что ж, — сказал Медведь, — иди.

— Ох, куманек, что-то не хочется вставать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Мишка, — я и дверей за тобой не стану запирасть.

Лиса захохла, слезла с печи, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и ну починать кадочку; ела, ела, всю верхушку съела, досыта наелась; закрыла кадочку ветошкой, прикрыла кружком, заложила камешком, все прибрала, как у Медведя было, и воротилась в избу как ни в чем не бывало.

Медведь ее спрашивает:

— Что, кума, далеко ль ходила?

— Близехонько, куманек; звали соседки, ребенок у них захворал.

— Что же, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребенка?

— Верхушечкой, куманек.

— Не слышал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманек, мало ли чудных имен на свете живет!

Медведь уснул, и Лиса уснула.

Понравился Лисе медок, вот и на другую ночку лежит, хвостом об лавку постукивает:

— Мишенька, никак опять кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь и говорит:

— И то кума, стучат!

— Это, знать, за мной пришли!

— Ну что же, кумушка, иди, — сказал Медведь.

— Ох, куманек, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Медведь, — я и дверей за тобой не стану запирасть.

Лиса заохала, слезая с печи, поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку, добралась до меду, ела, ела, всю середку съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, заложила камешком, все, как надо, убрала и вернулась в избу.

А Медведь ее спрашивает:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близехонько, куманек. Соседи звали, у них ребенок захворал.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребенка?

— Серёдочкой, куманек.

— Не слышал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманек, мало ли чудных имен на свете живет! — отвечала Лиса.

С тем оба и заснули.

Понравился Лисе медок; вот и на третью ночь лежит, хвостиком постукивает да сама Медведя спрашивает:

— Мишенька, никак, опять к нам кто-то стучится? Послушал Медведь и говорит:

— И то, кума, стучат.

— Это, знать, за мной пришли.

— Что же, кума, иди, коли зовут, — сказал Медведь.

— Ох, куманек, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать! Сам видишь — ни одной ночки соснуть не дают!

— Ну, ну, вставай, — понукал Медведь, — я и дверей за тобой не стану запирасть.

Лиса заохала, закричала, слезла с печи и поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскрабкалась на полку и принялась за кадочку; ела, ела, все последки съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, пригнала камешком и все, как надо быть, убрала. Вернувшись в избу, она залезла на печь и свернулась калачиком.

А Медведь стал Лису спрашивать:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близехонько, куманек. Звали соседи ребенка полечить.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребенка?

— Последышком, куманек, Последышком, Потапович!

— Не слышал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманек, мало ли чудных имен на свете живет!

Медведь заснул, и Лиса уснула.

Вдолге ли, вкоротке ли, захотелось опять Лисе меду — ведь Лиса сластена, — вот и прикинулась она больной: кахи да кахи, покою не дает Медведю, всю ночь прокашляла.

— Кумушка, — говорит Медведь, — хоть бы чем ни на есть полечилась.

— Ох, куманек, есть у меня снадобьеце, только бы медку в него подбавить, и всё как есть рукой сымет.

Встал Мишка с полатей и вышел в сени, снял кадку — ан кадка пуста!

— Куда девался мед? — заревел Медведь. — Кума, это твоих рук дело!

Лиса так закашлялась, что и ответа не дала.

— Кума, кто съел мед?

— Какой мед?

— Да мой, что в кадочке был!

— Коли твой был, так, значит, ты и съел, — отвечала Лиса.

— Нет, — сказал Медведь, — я его не ел, всё про случай берег; это, знать, ты, кума, сшатила?

— Ах ты, обидчик этакий! Зазвал меня, бедную сироту, к себе да и хочешь со свету сжить! Нет, друг, не на такую напал! Я, лиса, мигом виноватого узнаю, разведаяю, кто мед съел.

Вот Медведь обрадовался и говорит:

— Пожалуйста, кумушка, разведай!

— Ну что ж, ляжем против солнца — у кого мед из живота вытопится, тот его и съел.

Вот легли, солнышко их пригрело. Медведь захрапел, а Лисонька — скорее домой: соскребла последний медок из кадки, вымазала им Медведя, а сама, умыв лапки, ну Мишеньку будить.

— Вставай, вора нашла! Я вора нашла! — кричит в ухо Медведю Лиса.

— Где? — заревел Мишка.

— Да вот где, — сказала Лиса и показала Мишке, что у него все брюхо в меду.

Мишка сел, протер глаза, провел лапой по животу — лапа так и льнет, а Лиса его корит:

— Вот видишь, Михайло Потапович, солнышко-то мед из тебя вытопило! Вперед, куманек, своей вины на другого не сваливай!

Сказав это, Лиска махнула хвостом, только Медведь и видел ее.

Лиса-лапотница

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком порошит.

«Хоть бы на один зуб чего перекусить», — думает лисонька. Вот идет она путем-дорогой; лежит ошмёток. «Что же, — думает лиса, — ину пору и лапоток пригодится». Взяла лапот в зубы и пошла далее. Приходит в деревню и у первой избы постучалась.

— Кто там? — спросил мужик, открывая оконце.

— Это я, добрый человек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать!

— У нас и без тебя тесно! — сказал старик и хотел было задвинуть окошечко.

— Что мне, много ли надо? — просила лиса. — Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку, — и вся тут.

Сжалился старик, пустил лису, а она ему и говорит:

- Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток!

Мужик взял лапоток и кинул его под печку.

Вот ночью все заснули, лисичка слезла тихонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащила его и закинула далеко в печь, а сама вернулась как ни в чем не бывало, легла на лавочку, а хвостик спустила под лавочку.

Стало светать. Люди проснулись; старуха затопила печь, а старик стал снаряжаться в лес по дрова.

Проснулась и лисица, побежала за лапотком – глядь, а лаптя как не бывало. Взыла лиса:

- Обидел старик, поживился моим добром, а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь – нет лаптя! Что делать? А ведь сам клал! Пошел, взял курицу и отдал лисе. А лиса еще ломаться стала, курицу не берет и на всю деревню воеет, орет о том, как разобидел ее старик.

Хозяин с хозяйкой стали улаживать лису: налили в чашку молока, крошили хлеба, сделали яичницу и стали лису просить не побрезговать хлебом-солью. А лисе только того и хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вылакала молочка, уплела яичницу, взяла курицу, положила в мешок, простилась с хозяевами и пошла своим путем-дорогой.

Идет и песенку попевает:

Лисичка-сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошметок нашла -
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
Курочку взяла.

Вот подходит она вечером к другой деревне. Стук, тук, тук, – стучит лиса в избу.

- Кто там? – спросил мужик.

- Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

- У нас и без тебя тесно, ступай дальше, – сказал мужик, захлопнув окно.

- Я вас не потесню, – говорила лиса. – Сама лягу на лавку, а хвост под лавку, – и вся тут!

Пустили лису. Вот поклонилась она хозяину и отдала ему на сбережение свою курочку, сама же смирненько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку.

Хозяин взял курочку и пустил ее к уткам за решетку. Лисица всё это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, подкралась к решетке, вытащила свою курочку, ощипала, съела, а перышки с косточками зарыла под печь; сама же, как добрая, вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать, баба принялась за печь, а мужик пошел скотинке корму задать.

Проснулась и лиса, начала собираться в путь; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать свою курочку.

Мужик полез за курицей – глядь, а курочки как не бывало! Оттуда – сюда, перебрал всех уток: что за диво – курицы нет как нет!

А лиса стоит да голосом причитает:

– Курочка моя, чернушка моя, заклевали тебя пестрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

– Отдадим ей уточку да покормим ее на дорогу!

Вот накормили, напоили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота.

Идет кума-лиса, облизываясь, да песенку свою попевает:

Лисичка сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла -
В люди снесла,
Добрым людям сбыла:
За ошмёток – курочку,
За курочку – уточку.

Шла лиса близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли – стало смеркаться. Завидела она в стороне жилье и свернула туда; приходит: тук, тук, тук в дверь!

– Кто там? – спрашивает хозяин.

– Я, лисичка-сестричка, сбилась с дороги, вся перезябла и ноженьки отбила бежавши! Пусти меня, добрый человек, отдохнуть да обогреться!

– И рад бы пустить, кумушка, да некуда!

– И-и, куманек, я непривередлива: сама лягу на лавку, а хвост подверну под лавку, – и вся тут!

Подумал, подумал старик да и пустил лису. А лиса и рада. Поклонилась хозяевам да и просит их сберечь до утра ее уточку-плосконосочку.

Приняли уточку-плосконосочку на сбережение и пустили ее к гусям. А лисичка легла на лавку, хвост подвернула под лавку и захрапела.

– Видно, сердечная, умаялась, – сказала баба, влезая на печку. Невдолге заснули и хозяева, а лиса только того и ждала: слезла тихонько с лавки, подкралась к гусям, схватила свою уточку-плосконосочку, закусил, ошмётки дочиста, съела, а косточки и перышки зарыла под печь; сама же как ни в чем не бывало легла спать и спала до бела дня. Проснулась, потянулась, огляделась; видит – одна хозяйка в избе.

- Хозяюшка, а где хозяин? – спрашивает лиса. – Мне бы надо с ним проститься, поклониться за тепло, за угрев.

- Вона, хватилась хозяина! – сказала старуха. – Да уж он теперь, чай, давно на базаре.

- Так счастливо оставаться, хозяюшка, – сказала, кланяясь, лиса. – Моя плосконосочка уже, чай, проснулась. Давай ее, бабушка, скорее, пора и нам с нею пуститься в дорогу.

Старуха бросилась за уткой – глядь-поглядь, а утки нет! Что будешь делать, где взять? А отдать надо! Позади старухи стоит лиса, глаза куксит, голосом причитает: была у нее уточка, невиданная, неслыханная, пестрая впрозолоть, за уточку ту она бы и гуська не взяла.

Испугалась хозяйка, да и ну кланяться лисе:

- Возьми же, матушка Лиса Патрикеевна, возьми любого гуська! А уж я тебя напою, накормлю, ни маслица, ни яичек не пожалею.

Пошла лиса на мировую, напилась, наелась, выбрала что ни есть жирного гуся, положила в мешок, поклонилась хозяйке и отправилась в путь-дороженьку; идет да и припевает про себя песенку:

Лисичка-сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла -
Добрым людям сбыла:
За ошмёток – курочку,
За курочку – уточку,
За уточку – гусеночка!

Шла лиса да приумаялась. Тяжело ей стало гуся в мешке нести: вот она то привстанет, то присядет, то опять побежит. Пришла ночь, и стала лиса ночлег промышлять; где в какую дверь ни постучит, везде отказ. Вот подошла она к последней избе да тихонько, несмело таково стала постукивать: тук, тук, тук, тук!

- Чего надо? – отозвался хозяин.

- Обогрей, родимый, пусти ночевать!

- Негде, и без тебя тесно!

- Я никого не потесню, – отвечала лиса, – сама лягу на лавочку, а хвостик под лавочку, – и вся тут.

Сжалился хозяин, пустил лису, а она сует ему на сбережение гуся; хозяин посадил его за решетку к индюшкам. Но сюда уже дошли с базару слухи про лису.

Вот хозяин и думает: «Уж не та ли это лиса, про которую народ бает?» – и стал за нею присматривать. А она, как добрая, улеглась на лавочку и хвост спустила под лавочку; сама же слушает, когда заснут хозяева. Старуха захрапела, а старик притворился, что спит. Вот лиска прыг к решетке, схватила своего гуся, закусилась, ощипала и принялась есть. Ест, поест да и отдохнет, – вдруг гуся не одолеешь! Ела она, ела, а старик все приглядывает и видит, что лиса,

собрав косточки и перышки, снесла их под печку, а сама улеглась опять и заснула.

Проспала лиса еще дольше прежнего, – уж хозяин ее будить стал:

– Каково-де, лисонька, спала-почивала?

А лисонька только потягивается да глаза протирает.

– Пора тебе, лисонька, и честь знать. Пора в путь собираться, – сказал хозяин, отворяя ей двери настежь.

А лиска ему в ответ:

– Не почто избу студить, и сама пойду, да наперед свое добро заберу. Давай-ка моего гуся!

– Какого? – спросил хозяин.

– Да того, что я тебе вечор отдала на сбережение; ведь ты у меня его принимал?

– Принимал, – отвечал хозяин.

– А принимал, так и подай, – пристала лиса.

– Гуся твоего за решеткой нет; поди хоть сама посмотри – одни индюшки сидят.

Услыхав это, хитрая лиса грянулась об пол и ну убиваться, ну причитать, что за своего-де гуська она бы и индюшки не взяла!

Мужик смекнул лисьи хитрости. «Постой, – думает он, – будешь ты помнить гуся!»

– Что делать, – говорит он. – Знать, надо идти с тобой на мировую.

И обещал ей за гуся индюшку. А вместо индюшки тихонько подложил ей в мешок собаку. Лисонька не догадалась, взяла мешок, простилась с хозяином и пошла.

Шла она, шла, и захотелось ей спеть песенку про себя и про лапоток. Вот села она, положила мешок на землю и только было принялась петь, как вдруг выскочила из мешка хозяйская собака – да на нее, а она от собаки, а собака за нею, не отставая ни на шаг.

Вот забежали обе вместе в лес; лиска по пенькам да по кустам, а собака за нею.

На лисонькино счастье, случилась нора; лиса вскочила в нее, а собака не пролезла в нору и стала над нею дожидаться, не выйдет ли лиса...

А лиса с испугу дышит, не отдышится, а как поотдохнула, то стала сама с собой разговаривать, стала себя спрашивать:

– Ушки мои, ушки, что вы делали?

– А мы слушали да слушали, чтоб собака лисоньку не скушала.

– Глазки мои, глазки, вы что делали?

– А мы глядели да глядели, чтобы собака лисоньку не съела!

- Ножки мои, ножки, что вы делали?
- А мы бежали да бежали, чтоб собака лисоньку не поймала.
- Хвостик, хвостик, ты что делал?
- А я не давал тебе ходу, за все пеньки да сучки цеплялся.
- А, так ты не давал мне бежать! Постой, вот я тебя! – сказала лиса и, высунув хвост из норы, закричала собаке: – На вот, съешь его!

Собака схватила лису за хвост и вытащила из норы.

Медведь-половинщик

Жил-был мужичок в крайней избе на селе, что стояла подле самого леса. А в лесу жил медведь и, что ни осень, заготавливал себе жилье, берлогу, и залегал в нее с осени на всю зиму; лежал да лапу сосал. Мужичок же весну, лето и осень работал, а зимой щи и кашу ел да квасом запивал. Вот и позавидовал ему медведь; пришел к нему и говорит:

- Соседушка, давай задружимся!
- Как с вашим братом дружить: ты, Мишка, как раз искалечишь! — отвечал мужичок.
- Нет, — сказал медведь, — не искалечу. Слово мое крепко — ведь я не волк, не лиса: что сказал, то и сдержу! Давай-ка станем вместе работать!
- Ну ладно, давай! — сказал мужик.

Ударили по рукам.

Вот пришла весна, стал мужик соху да борону ладить, а медведь ему из лесу вязки выламывает да таскает. Справив дело, уставив соху, мужик и говорит:

— Ну, Мишенька, впрягайся, надо пашню подымать. Медведь впрягся в соху, выехали в поле. Мужик, взявшись за рукоять, пошел за сохой, а Мишка идет впереди, соху на себе тащит. Прошел борозду, прошел другую, прошел третью, а на четвертой говорит:

- Не полно ли пахать?
- Куда тебе, — отвечает мужик, — еще надо дать концов десятка с два!

Измучился Мишка на работе. Как покончил, так тут же на пашне и растянулся.

Мужик стал обедать, накормил товарища да и говорит:

- Теперь, Мишенька, соснем, а отдохнувши, надо вдругорядь перепахать.

И в другой раз перепахали.

— Ладно, — говорит мужик, — завтра приходи, станем боронить и сеять репу. Только уговор лучше денег. Давай наперед положим, коли пашня уродит, кому что брать: всё ли поровну, всё ли пополам, или кому вершки, а кому корешки?

Мне вершки, — сказал медведь.

— Ну ладно, — повторил мужик, — твои вершки, а мои корешки.

Как сказано, так сделано: пашню на другой день заборонили, посеяли репу и сызнава заборонили.

Пришла осень, настала пора репу собирать. Снарядились наши товарищи, пришли на поле, повибрасали, повибрали репу: видимо-невидимо ее.

Стал мужик Мишкину долю — ботву срезать, вороха навалил с гору, а свою репу на возу домой свез. И медведь пошел в лес ботву таскать, всю перетаскал к своей берлоге. Присел, попробовал, да, видно, не по вкусу пришлась!..

Пошел к мужику, поглядел в окно; а мужик напарил сладкой репы полон горшок, ест да причмокивает.

"Ладно, — подумал медведь, — вперед умнее буду!"

Медведь пошел в лес, залег в берлогу, пососал, пососал лапу да с голодухи заснул и проспал всю зиму.

Пришла весна, поднялся медведь, худой, тощий, голодный, и пошел опять набиваться к соседу в работники — пшеницу сеять.

Справили соху с бороной. Впрягся медведь и пошел таскать соху по пашне! Умаялся, упарился и стал в тень.

Мужичок сам поел, медведя накормил, и легли оба соснуть. Выспавшись, мужик стал Мишку будить:

— Пора-де вдругорядь перепаживать. Нечего делать, принялся Мишка за дело! Как кончили пашню, медведь и говорит:

— Ну, мужичок, уговор лучше денег. Давай условимся теперь: на этот раз вершки твои, а корешки мои. Ладно, что ли?

— Ладно! — сказал мужик. — Твои корешки, мои вершки! Ударили по рукам. На другой день пашню заборонили, посеяли пшеницу, прошли по ниве бороной и еще раз тут же помянули, что теперь-де медведю корешки, а мужичку вершки.

Настала пора пшеницу убирать; мужик жнет не покладая рук; сжал, обмолотил и на мельницу свез. Принялся и Мишка за свой пай; надергал соломы с корнями целые вороха и пошел таскать в лес к своей берлоге. Всю солому переволок, сел на пенек отдохнуть да своего труда отведал. Пожевал соломки нехорошо! Пожевал корешков — не лучше того! Пошел Мишка к мужику, заглянул в окно, а мужичок сидит за столом, пшеничные лепешки ест, бражкой запивает да бороду утирает.

"Видно, уж моя такая доля, — подумал медведь, — что из моей работы проку нет: возьму вершки — вершки не годятся; возьму корешки — корешки не едятся!"

Тут Мишка с горя залег в берлогу и проспал всю зиму, да уж с той поры не ходил к мужику в работу. Коли голодать, так лучше на боку лежать.

О труде

Медведь на работе каменья воротит,
Рак на колоде рубашку колотит,
Волки в болоте просо молотят,
Кот на печи сухари толчет,
Кошка в окошке ширинку шьет,
Курочка-рябушечка избу метёт,
Паук в углу основу снуёт,
Утка в избе холсты точёт,
Селезень-пирожник пироги печёт,
Корова в рогоже всего дороже —
В закуте стоит, сыром-маслом доит.

Привередница

Жили-были муж да жена. Детей у них было всего двое — дочка Малашечка да сынок Ивашечка.

Малашечке было годков десяток или поболее, а Ивашечке всего пошел третий.

Отец и мать в детях души не чаяли и так уж избаловали! Коли дочери что наказать надо, то они не приказывают, а просят. А потом ублажать начнут:

— Мы-де тебе и того дадим и другого добудем!

А уж как Малашечка испривереднилась, так такой другой не то что на селе, а, чай, и в городе не было! Ты подай ей хлебца не то что пшеничного, а сдобненького, — на ржаной Малашечка и смотреть не хочет!

А испечет мать пирог-ягодник, так Малашечка говорит: «Кисел, давай медку!» Нечего делать, зачерпнет мать на ложку меду и весь на дочернин кусок ухнет. Сама же с мужем ест пирог без меду: хоть они и с достатком были, а сами так сладко есть не могли.

Вот раз понадобилось им в город ехать, они и стали Малашечку ублажать, чтобы не шалила, за братом смотрела, а пуще всего, чтобы его из избы не пускала.

— А мы-де тебе за это пряников купим, да орехов каленых, да платочек на голову, да сарафанчик с дутыми пуговками. — Это мать говорила, а отец поддакивал.

Дочка же речи их в одно ухо впускала, а в другое выпускала.

Вот отец с матерью уехали. Пришли к ней подружки и стали звать посидеть на травке-муравке. Вспомнила было девочка родительский наказ, да подумала: «Не велика беда, коли выйдем на улицу!» А их изба была крайняя к лесу.

Подружки заманили ее в лес с ребенком — она села и стала брату веночки плести. Подружки поманили ее в коршуны поиграть, она пошла на минутку да и заигралась целый час.

Вернулась к брату. Ой, брата нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка помята.

Что делать? Бросилась к подругам, — та не знает, другая не видела. Взыла Малашечка,

побежала куда глаза глядят брата отыскивать; бежала, бежала, бежала, набежала в поле на печь.

— Печь, печурка! Не видала ли ты моего братца Ивашечку?

А печка ей говорит:

— Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба, поешь, так скажу!

— Вот, стану я ржаной хлеб есть! Я у матушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу!

— Эй, Малашечка, ешь хлеб, а пироги впереди! — сказала ей печь.

Малашечка рассердилась и побежала далее. Бежала, бежала, устала, села под дикую яблоню и спрашивает кудрявую:

— Не видала ли, куда братец Ивашечка делся?

А яблоня в ответ:

— Девочка-привередница, поешь моего дикого, кислого яблочка — может статься, тогда и скажу!

— Вот, стану я кислицу есть! У моих батюшки да матушки садовых много — и то ем по выбору!

Покачала на нее яблоня кудрявой вершиной да и говорит:

— Давали голодной Маланье оладьи, а она говорит: «Испечены неладно!»

Малаша побежала далее. Вот бежала она, бежала, набежала на молочную реку, на кисельные берега и стала речку спрашивать:

— Речка-река! Не видала ли ты братца моего Ивашечку?

А речка ей в ответ:

— А ну-ка, девочка-привередница, поешь наперед моего овсяного киселька с молочком, тогда, быть может, дам весточку о брате.

— Стану я есть твой кисель с молоком! У моих у батюшки и у матушки и сливочки не в диво!

— Эх, — погрозились на нее река, — не брезгай пить из ковша!

Побежала привередница дальше. И долго бежала она, ища Ивашечку; наткнулась на ежа, хотела его оттолкнуть, да побоялась наколоться, вот и вздумала с ним заговорить:

— Ёжик, ежик, не видал ли ты моего братца?

А ежик в ответ:

— Видел я, девочка, стаю серых гусей, пронесли они в лес на себе малого ребенка в красной рубашечке.

— Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! — завопила девочка-привередница. — Ёжик, голубчик, скажи мне, куда они его понесли?

Вот и стал еж ей сказывать: что-де в этом дремучем лесу живет Яга-баба, в избушке на курьих ножках; в послугу наняла она себе серых гусей, и что она им прикажет, то гуси и делают.

И ну Малашечка ежа просить, ежа ласкать:

— Ёжик ты мой рябенький, ежик игольчатый! Доведи меня до избушки на курьих ножках!

— Ладно, — сказал он и повел Малашечку в самую чащу, а в чаще той все съедобные травы растут: кислица да борщовник, по деревьям седая ежевика вьется, переплетается, за кусты цепляется, крупные ягодки на солнышке созревают.

«Вот бы поесть!» — думает Малашечка, да уж до еды ли ей! Махнула на сизые плетенницы и побежала за ежом. Он привел ее к старой избушке на курьих ножках.

Малашечка заглянула в отворенную дверь и видит — в углу на лавке Баба-яга спит, а на прилавке{Прила́вок — широкая скамья, приделанная к стене.} Ивашечка сидит, цветочками играет.

Схватила она брата на руки да и вон из избы!

А гуси-наемники чутки. Сторожевой гусь вытянул шею, гагакнул, взмахнул крыльями, взлетел выше дремучего леса, глянул вокруг и видит, что Малашечка с братом бежит. Закричал, загоготал серый гусь, поднял все стадо гусиное, а сам полетел к Бабе-яге докладывать. А Баба-яга — костяная нога так спит, что с нее пар валит, от храпа оконницы дрожат. Уж гусь ей в то ухо и в другое кричит — не слышит! Рассердился щипун, щипнул Ягу в самый нос. Вскочила Баба-яга, схватилась за нос, а серый гусь стал ей докладывать:

— Баба-яга — костяная нога! У нас дома неладно что-то случилось — Ивашечку Малашечка домой несет!

Тут Баба-яга как расходилась!

— Ах, вы трутни, дармоеды, из чего я вас пою, кормлю! Вынь да положь, подайте мне брата с сестрой!

Полетели гуси вдогонку. Летят да друг с дружкой перекликаются. Заслышала Малашечка гусиный крик, подбежала к молочной реке, кисельным берегам, низенько ей поклонилась и говорит:

— Матушка-река! Скрой, схорони ты меня от диких гусей!

А река ей в ответ:

— Девочка-привередница, поешь наперед моего овсяного киселя с молоком.

Устала голодная Малашечка, в охотку поела мужицкого киселя, припала к реке и всласть напилась молока. Вот река и говорит ей:

— Так-то вас, привередниц, голодом учить надо! Ну, теперь садись под бережок, я закрою тебя.

Малашечка села, река прикрыла ее зеленым тростником; гуси налетели, покрутились над рекой, поискали брата с сестрой да с тем и домой полетели.

Рассердилась Яга пуще прежнего и прогнала их опять за детьми. Вот гуси летят вдогонку,

летят да меж собой перекликаются, а Малашечка, заслыша их, прятче прежнего побежала. Вот подбежала к дикой яблоне и просит ее:

— Матушка, зеленая яблонька! Схорони, укрой меня от беды неминучей, от злых гусей!

А яблоня ей в ответ:

— А поешь моего самородного кислого яблочка, так, может статься, и спрячу тебя!

Нечего делать, принялась девочка-привередница дикое яблоко есть, и показался дичок голодной Малаше слаще наливного садового яблочка.

А кудрявая яблонька стоит да посмеивается:

— Вот так-то вас, причудниц, учить надо! Давеча не хотела и в рот взять, а теперь ешь над горсточкой!

Взяла яблонька, обняла ветвями брата с сестрой и посадила их в середочку, в самую густую листву.

Прилетели гуси, осмотрели яблоню — нет никого! Полетели еще туда, сюда да с тем к Бабе-яге и вернулись.

Как завидела она их порожнем, закричала, затопала, завопила на весь лес:

— Вот я вас, трутней! Вот я вас, дармоедов! Все перышки ощиплю, на ветер пущу, самих живьем проглочу!

Испугались гуси, полетели назад за Ивашечкой и Малашечкой. Летят да жалобно друг с дружкой, передний с задним, перекликаются:

— Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Стемнело в поле, ничего не видать, негде и спрятаться, а дикие гуси все ближе и ближе; а у девочки-привередницы ножки, ручки устали — еле плетется.

Вот видит она — в поле та печь стоит, что ее ржаным хлебом потчевала. Она к печи:

— Матушка печь, укрой меня с братом от Бабы-яги!

— То-то, девочка, слушаться бы тебе отца-матери, в лес не ходить, брата не брать, сидеть дома да есть, что отец с матерью едят! А то «вареного не ем, печного не хочу, а жареного и на дух не надо!»

Вот Малашечка стала печку упрашивать, умаливать: вперед-де таково не буду!

— Ну, посмотрю я. Пока поешь моего ржаного хлебца!

С радостью схватила его Малашечка и ну есть да братца кормить!

— Такого-то хлеба я отроду не видала — словно пряник-коврижка!

А печка, смеючись, говорит:

— Голодному и ржаной хлеб за пряник идет, а сытому и коврижка вяземская не сладка! Ну, полезай теперь в устье, — сказала печь, — да заслонись заслоном.

Вот Малашечка скоренько села в печь, затворилась заслоном, сидит и слушает, как гуси все ближе подлетают, жалобно друг дружку спрашивают:

— Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Вот полетали они вокруг печки. Не нашли Малашечки, опустились на землю и стали промеж себя говорить: что им теперь делать? Домой ворочаться нельзя: хозяйка их живьем съест. Здесь остаться тоже не можно: она велит их всех перестрелять.

— Разве вот что, братья, — сказал передовой вожак, — вернемся домой, в теплые земли, — туда Бабе-яге доступа нет!

Гуси согласились, снялись с земли и полетели далеко-далеко, за синие моря.

Отдохнувши, Малашечка схватила братца и побежала домой, а дома отец с матерью все село исходили, каждого встречного и поперечного о детях спрашивали; никто ничего не знает, лишь только пастух сказывал, что ребята в лесу играли.

Побрели отец с матерью в лес, да подле села на Малашечку с Ивашечкой и наткнулись.

Тут Малашечка во всем отцу с матерью повинилась, про все рассказала и обещала вперед слушаться, не перечить, не привередничать, а есть, что другие едят.

Как сказала, так и сделала, а затем и сказке конец.

Старик-годовик

Вышел старик годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Поваял холод, мороз.

Махнул старик годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях появились цветы.

Махнул старик годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик годовик четвертый раз — и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — чёрная. Махнет птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

Что это за птицы вылетели из рукава старика-годовика?

Какие то четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая — чёрная?